

Фине Элен. Анархизм и идентичность аргентинских рабочих в конце XIX - начале XX века

2009, источник: [здесь](#)

В 1890-х годах в Аргентине складывались новые формы политической и социальной организации, в которых первостепенную роль играли анархисты и социалисты из среды иммигрантов. Они дали начало целому культурному движению. Это был переломный момент. Аргентинская экономика под влиянием олигархии вступала в эру современного капитализма. В обществе происходили структурные изменения, и оно - отнюдь не безболезненно - пыталось выработать свою собственную идентичность.

Как современная нация, Аргентина должна была обзавестись исторической традицией, способной интегрировать все части общества. И в самом деле, как правящие политические силы, так и альтернативные идеологические течения шли к созданию такой идентичности, но в различных ритуальных и символических плоскостях.

Последовательные волны иммиграции в эту новую страну, в "обетованную землю" Аргентины создали великолепную основу для развития либертарных идей. Анархисты, импортировавшие свои идеи и приспособившие их к местным реалиям, быстро приобрели общенациональный отклик. Вопреки распространенному мнению, либертариизм утвердился отнюдь не только в Буэнос-Айресе. Другие города и провинции также стали ареной яркой рабочей борьбы - достаточно вспомнить о Патагонии, Чако, не говоря уже о Росарио или Байя-Бланка. Либертариизм взял на себя роль, которую государство в действительности не могло играть, по крайней мере, вплоть до принятия закона Саэнса Пенья о всеобщем избирательном праве в 1912 г.

Несмотря на все трудности и на пропасть между народом и элитами, рождавшийся аргентинский пролетариат сумел выковать собственную оригинальную и независимую идентичность - под влиянием анархистской идеологии, более чем когда-либо озабоченной социальным вопросом. Она находилась в центре дебатов и размышлений мыслителей и действующих лиц общества. Постепенно сложилось подлинное социальное воображение,

сущностью которого стала борьба человека-бунтаря. Этот бунтарь - от кочевника-анархиста и иммигранта-космополита до гаучо - создавал собственное пространство общения и символами идентичности. Можно, следовательно, говорить о творчестве либертарной цивилизации, неотрывной от создания идентичности аргентинского пролетариата.

МИРАЖ ИММИГРАЦИИ

Анархистскому движению удалось, в известном смысле, утвердиться на территории Аргентины, потому что для его возникновения сложились оптимальные условия. Одним из них была иммиграция. Тяжелое экономическое и социальное положение аргентинского иммигранта вынуждало его занять позицию против существующей власти, и он почти естественно пополнял ряды анархизма - единственного идейного течения, способного предоставить связную альтернативу его угнетенному положению.

Но вернемся к исходному пункту миграционной волны. Поскольку, как говорил Альберди, "управлять - значит заселять", Аргентина как государство-нация должна была прибегнуть к массовой иммиграции, чтобы проникнуть в современную эру. Сломив сопротивление индейцев (кампания в пустыне 1882 г. под руководством Роки заклеила индейцев трагической печатью) и покончив с варварством, элиты попытались обзавестись сильной национальной идентичностью. Однако аргентинскую олигархию быстро постигло разочарование с прибытием орд нищих и деклассированных иммигрантов, необразованных и неграмотных, которые она поспешила загнать в нездоровые жилища, навязав им крайне строгие правила жизни. Молодая Аргентинская республика, родина идеалов Сармьенто и Альберди, разрывалась между желанием вступить в современную эпоху, чтобы укрепить основы своей, с таким трудом завоеванной независимости, и неспособностью интегрировать в свою схему национальной экспансии новые волны иммигрантов, далеко не всегда отвечавших ожиданиям.

С 1902 г. элиты, осознав влияние либертариетов на рабочее движение, на народ, оставшийся им чуждым, осудили их деятельность с помощью закона о проживании, направленного на высылку из страны иммигрантов-анархистов, которые превратились в помеху для национального единства. Прежде всего, элиты испытывали отвращение к этим скандальным плебейм, которых Пепита Герра описала изнутри во время погребального бдения в помещении Испанского рабочего союза:

Знаете ли вы, кто мы?

Бесчисленная фаланга высланных...

Знаете ли вы, кто мы? Проклятые плебеи!

Которые оплакивают издавна и

До сих пор дни своей горькой жизни.

Мерзкие и низкие плебеи! Которые, исключенные из мира и лишённые всего,

Устали стонать и плакать,

Вынуждены влачить свою судьбу

Каина и расы негодяев!

Мы - дети неблагодарного труда,
Скитающиеся без хлеба и крыши над головой...
Без родительского благословения...
Без любви, без всего...

Кроме того, олигархия не могла помешать формированию пространств социализации, благоприятных для возникновения идеалов Социальной Революции. Действительно, эти отвратительные иммигранты, эти "вечные парии жизни", эти эксплуатируемые, эти исключенные из аргентинского общества, - анархисты даже давали им имена, идентифицировали их через свои газеты, группы, кружки, объединявшие их под флагом борьбы против угнетения: "Дети народа", "Обездоленные", "Голодные", "Бродяги"...

Таким образом, либертарные кружки позволяли заполнить эту не-принадлежность к обществу. Вступление в группу устраняло их изоляцию и предлагало альтернативу той сложной ситуации пропасти, в которой оказывались высланные и иммигранты. Кроме того, речь шла о ценности отождествления себя с группой "проклятых", о гордости за принадлежность к оставшимся за бортом. Такое отношение к маргинальности, объясненное Делезом, обогащает, поскольку открывает новые возможности для создания идентичности. Ведь такое определение существования вне нормы, "в точке детерриториализации", будь она внутренней, социальной, географической или культурной, более чем когда-либо ценится анархистами. Группа, кружок, если он прочен, занимают социальное пространство и признается, даже если это признание оппозиции.

С другой стороны, параллели между иммигрантом и анархистом показаны Аленом Пессеном: "анархист всегда изображается как не происходящий из места, где он обитает, и объективно у него достаточно много оснований для изгнания". Анархисты, приехавшие в Аргентину в конце 19 века, очень часто являлись политическими беженцами, поскольку подвергались преследованию в их собственных странах. Так Малатеста вынужден был после своей деятельности по "пропаганде действием" в Италии искать страну убежища, но продолжал нести в себе вечную страсть к либертарному обществу, эту животворную утопию, которая придавала его "бродяжничеству" смысл. Он соответствовал тому образу анархиста, который "всегда представлял как оформитель мечты и разрывов из другого места". Ведь "иностранцы, либертарики заставляли верить в логику мечты, навеянную землей, в которой они жили и которая не могла перестать жить в них. Ведь они приезжали главным образом из земель, слывших беспокойными, земель крайностей, стоявших под знаком огня и крови (...)", из Италии, Испании, России... Будучи бунтарем там, анархист был им и в Аргентине, продолжая тем самым действовать в области создания идентичности. "Я бунтую, значит, мы существуем".

Действительно, акт бунта может считаться основой существования и тем самым - коллективной идентичности. Борьба имеет смысл в той мере, в какой она побуждает социальные действующие лица проникать в область революционной практики. Они существуют именно потому, что бунтуют. В Аргентине рабочий, этот "Сизиф труда", избравший путь бунта против правящих элит, отвергает свою угнетенную долю: он вынужден бунтовать, если хочет существовать и завоевать социальное пространство. Пролетариат иммигрантов, исключенный из политической жизни, не имеет других средств

давления, кроме бунта, а в случае с анархистами, он формируется в нелегальных условиях, на грани социальных норм: все средства оправданы, включая применение насилия. Так было с анархистскими экспроприаторами, которые в 1920-1930-х годах противопоставили государственному насилию форму насильственного прямого действия.

С другой стороны, человек бунтующий формируется в борьбе за абсолют свободы и против авторитета, воплощенного в государстве, армии и церкви, живых символах угнетения пролетариата. Он определяет себя как антипод по отношению к системе ценностей, которую он не признает и которая не признает его.

Наконец, это бунт складывается как акт высшей этики, понятие, весьма распространенное в анархистской системе идей. Анархисты ощущают необходимость действовать в соответствии с подлинной этикой, которая позволяет их теориям соответствовать их практике:

Недостаточно, чтобы я называл себя анархистом по жизни; нужно, чтобы мои идеи, мои манеры, мои публичные и личные действия, мое поведение оправдывали мои чаяния, без чего бесполезно говорить об анархизме (...). Чтобы быть действительно настоящим анархистом, необходимо иметь душевный склад и моральную высоту, честность в поведении и любовь к идеям рабочего освобождения.

Угнетенный пролетариат должен вновь обрести моральное достоинство, которое сможет придать смысл его существованию, и сознание, которое позволит ему противостоять буржуазному варварству (переворачивая диалектику, анархизм становится цивилизаторским, а олигархия - варварской). Доказательством служат следующие слова Лопеса Аранго: "Борьбы за хлеб недостаточно. Необходимо вписать в сознание человека ценности его утраченной индивидуальности, определяя тем самым этическое сопротивление чудовищным сооружениям капитализма и противопоставляя материальной реальности духовную реальность". Здесь мы снова обнаруживаем это видение комплекса социальных факторов и борьбы (материальной и этической), характерное для анархистского идеала, идеала несравненно более высокой моральной чистоты, превосходящего марксистские заботы, ограничивающиеся немедленным удовлетворением экономических требований. Именно в этом смысле Эдгардо Бильски определяет влияние Аргентинской региональной рабочей федерации в истории аргентинского рабочего движения: для него она является "символическим образом эпохи и социальной практики". И этот анархистский идеал, материализуясь, создавал условия, благоприятные для формирования общественного представления, в котором идентичность, как ее определяет Касториadis, является системой истолкования мира, созданного обществом.

СОЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Анархисты ощущали необходимость создания символического пространства, необходимого для распространения идеала борьбы и постепенного укоренения стойкой аргентинкой

анархистской традиции. Отмечается, что это пространство сформировалось в основном, исходя из европейского наследия, импортированного миграционным феноменом и имевшего прежде всего космополитическую и интернационалистскую ориентацию. Затем оно сопровождалось стремлением "включить аргентинского туземного жителя в народную борьбу и дать ему традицию протеста". Важно было связать креолов из сельской глубинки с борьбой народа, чтобы несколько уравновесить весьма интернационалистскую сторону аргентинского пролетариата. Некоторые писатели начали вскоре снова использовать легендарную, мифическую и полемическую фигуру гаучо, очень часто ассоциировавшуюся с варварством, чтобы создать народную преемственность. Аргентинский пролетарий превращался, таким образом, в прямого наследника гаучо. Действительно, персонаж гаучо вписывался в традицию народного бунтарства: он был лишен своей земли частной собственностью и подвергался непрерывным преследованиям. Он стал воплощением индивидуальной свободы, жил без привязанностей, без семьи (слово "гаучо" происходит от "уачо" или "гуачо" на языке кечуа, что означает "сирота"), без хозяина, вне закона, отвергал власть. Гаучо - чистый человек, близкий к природе, ее простым и конкретным радостям. Писатель Альберто Гиральдо воспринял образ гаучо, чтобы связать его с пролетарской борьбой, определив его следующими словами: "он - крик класса, борющегося против высших слоев общества, которое его подавляет, он - протест против несправедливости". Гиральдо заимствовал даже название эпопеи Хосе Эрнандеса "Мартин Фьерро" для названия литературного журнала, выходившего в 1904-1905 гг. как приложение к газете "Ла Протеста". Эта вновь обретенная преемственность между гаучо и пролетарием позволила "соединить борьбу креолов и иммигрантов, придав плоть и кровь трудовому персонажу, имеющему национальный характер". Точно также, после событий Патагонского восстания 1921-1922 гг., в ходе которых ФОРА 5-го конгресса вместе с сельскохозяйственными тружениками вела борьбу, жестоко подавленную полковником Варелой, газета "Пампа либре" прославила фигуру немецкого анархиста Курта Вилькенса, отомстившего за своих братьев и убившего кровавого полковника: "Гаучо из чужих краев! Брат Вилькенс, тебя обнимают твои товарищи, гаучо из Пампы, которые видят в тебе образцового носителя справедливости бедных людей". Так еще раз был осуществлен синтез между анархистом и гаучо, даже между иммигрантом и гаучо.

Символическое значение гаучо также ценил Родольфо Гонсалес Пачеко, который писал об этом недисциплинированном бунтаре-варваре, мифическом предреволюционном герое, неукротимом кочевнике: "Сармьенто прекрасно понял его. С этим кочевником можно создать родину, но нельзя организовать государство. Нужно было обездвигнуть его, превратив в пеона или в хозяина". Здесь можно вновь обратить внимание на слово "кочевник", которое использовал Пачеко для характеристики гаучо, чтобы продолжить идею анархистского наследия. Кочевник, иммигрант, как и анархист, - это тот, кто пришел сюда откуда-то из других мест, в данном случае, из дальних европейских краев, прошлое которых ассоциировалось с кровавым бунтом (многие анархисты, подобно Малатесте, бежали из своих стран и пустились в долгие странствия). Кочевник-иммигрант вызывал страх у оседлых элит, которые видели в этих нахлынувших ордах возмутителей предписанного спокойствия. Действительно, "пульс скитаний", по выражению Мишеля Маффесоли, предполагал скрытое бунтарство; кочевая жизнь ассоциировалась с подрывной социальностью, и отсюда в каждом иммигранте видели потенциального анархиста,

склонного к низвержению общественного строя. Вот почему государство стремилось лишить его свободы, заставив его ограничить себя нормой и не выходить за границы этого огражденного проволокой пространства. Тем самым "бесконечности свободы" противопоставлялась "закрытость огороженного участка". Если современность выражается категориями "индивида, идентичности, нации, государства", что очевидно для аргентинской нации в период ее становления, то столь же очевидно, что существует "до известной степени антропологическая связь между странствием и распространением подрывных настроений". Поэтому можно понять тот страх, который порождал в элитах этот кочевник, это воплощение странствующего "Вечного жида", угрожающее их стремлению к социальному и политическому миру. "Я - бедный рабочий, который скитается по миру, как "Вечный жид", преследуемый несчастьем". Но скитание иммигранта, в случае с анархистом, оказывалось утверждающим моментом, оно стремилось к абсолюту - мечте о наконец-то свободном обществе, которое оставалось только создать. Речь шла о утверждающем и творческом кочевничестве.

ДЕЛО ЛИБЕРТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Анархисты, оказавшиеся в аргентинском изгнании, задались целью построить новое общество, форму параллельной цивилизации. Это изгнание, которое установилось и было зафиксировано надолго, эта точка невозврата для иммигрантов побудили их к такому строительству и давали им реальное ощущение со-принадлежности. Здесь кочевник снова ощутил себя в центре, даже скорее у истоков обновления мира, этого дела творения. Действительно, люди обнаруживали себя "у самого фундамента зарождения", состояния, "которое возвращало к изначальной чистоте" и к "рождению". Анархист отнюдь не разрушал, а приступил к длительной работе по реконструкции, что означало конкретизацию доктрины в действии. Революционная практика на марше подтверждала идентичность нового пролетариата, открывала ему возможности для рождения и даже возрождения.

Интересный пример такой необходимости созидания можно обнаружить в "Американском анархистском городе" Пьера Кируля, изданном в 1914 г. "Либертарный легион (...), усиленный и пополненный последними добровольцами, прибывшими из Европы" и "волонтерами Анархии" ставит перед собой задачу освободить своих товарищей по несчастью из-под ига монархии Эльдорадо, чтобы построить анархистский город. Этот амбициозный проект сопровождается овладением "силами природы" в духе, унаследованном от позитивизма. Наука, по мнению анархистов, должна быть поставлена на службу человеку. Конструктивистское видение Пьера Кируля, современное по своей основе, включает даже детальный план этого анархистского города, продолжающий попытки утопического социализма 19 века в урбанистической перспективе. Речь шла о соединении либертарной идеологии с конкретной формой социальной организации, которая учитывала бы семейную среду и коллективизировало общие услуги. Очевидно влияние фаланстера Фурье, проистекающее из того же желания материализовать анархистскую утопию и помогающее становлению ее идентичности.

Наконец, либертарный цивилизационный проект был необходимым образом связан с образованием, которое анархисты желали видеть рационалистическим и интегральным, заимствуя основы "Современной школы" каталонца Франсиско Феррера или вдохновляясь "Улеем" Себастьяна Фора.

ОБЛАСТЬ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕТИЧНОСТИ

Заметный интерес анархистов к социальному вопросу побуждал их создавать пространства общения, места распространения знаний, доступные для рабочих, чтобы предоставить в их распоряжение средства, необходимые для осознания угнетения, которому они подвергаются: библиотеки, атенео, космополитические и многоязычные рабочие кружки, организовывавшие также вечерние курсы для взрослых (ликвидация неграмотности) и устраивавшие театральные представления с социальным содержанием, которые позволяли рабочей публике выковать свою идентичность. Необходимо подчеркнуть также, что интерес к социальному вопросу вписывался в рационалистический и сциентистский контекст, характерный для аргентинского менталитета начала 20 века. Таким образом, когда элиты использовали позитивизм для оправдания своего господства над народом, анархисты видели в науке средство противостояния обскурантизму и предрассудкам. В целом, если посмотреть на механизм функционирования отношений между господствующими и угнетенными, можно констатировать, что различные формы господства стремятся получить признание и легитимность, вписавшись в естественный порядок, так чтобы угнетенные в каком-то смысле приняли свое угнетенное положение, не зная, что оно - результат чистого произвола. Именно так произошло с позитивистским, сциентистским оправданием господства элит. Аргентинские анархисты, свою очередь, обратили эту форму символического насилия в свою противоположность: они перевернули проблему, используя науку и социологию как средства социального освобождения от капиталистической политики. Следовало вести борьбу с окружающими догмами, чтобы побудить рабочего осознать свое угнетенное положение, о чем свидетельствует частое использование имен, связанных с наукой, для обозначения рабочих центров ("Свет и прогресс", "Труд и наука") или социалистического журнала "Кларидад". Со своей стороны, Хосефа Мартинес обращалась к товарищам по несчастью, вопрошая их: "Разве вы не видите Сияющий горизонт, купающийся в свете?", этот, подобный Христу, свет, который освободит их от угнетения, пробудив их спящее сознание.

Распространение образование среди пролетариата осуществлялось и путем многочисленных лекций по всей стране. Особенно следует выделить лекции в Росарио, с которыми выступал миланец Пьетро Гори, юрист, адвокат и блестящий оратор, посвящавший свои краткие речи социологии и криминологии. В 1898 г. он основал также научный журнал "Современная криминология". Отметим, что Гори был активным защитником рабочего и анархистского движения и что он, как и Малатеста, внес важнейший вклад в его оформление и в успешное признание его идентичности в аргентинском обществе.

Наконец, повседневная борьба конкретизировалась в массовом вступлении трудящихся в различные рабочие организации анархистского или социалистического направления.

Наиболее характерной из них стала ФОРА, которая в ходе своего 5-го конгресса (1905 г.) закрепила свои анархо-коммунистические основы. Она была, по крайней мере, до 9-го конгресса 1915 г., момента внутреннего раскола между сторонниками анархистского коммунизма и приверженцами нейтрального революционного синдикализма (ФОРА-V и ФОРА-IX), настоящим материальным выражением ожиданий аргентинского пролетариата.

ПРОПАГАНДА СРЕДИ ЖЕНЩИН

Социальная эмансипация предусматривает также эмансипацию женщины. Либертарные активисты подчеркивали также необходимость изменить понимания общественной роли женщины, заданной патриархальными и авторитарными предрассудками, которые укоренились в менталитете еще в Южной Европе и продолжали существовать в Аргентине. Здесь опять-таки шла речь о глобальной борьбе за идентичность, борьбе, обоснованной значительным количеством женщин среди иммигрантского рабочего класса. Действительно, перепись 1895 г. насчитывала 368560 женщин-иммигранток, 37% из которых приходилось на Буэнос-Айрес. Они работали домашней прислужкой, в промышленности, в текстильной отрасли и на кухне. Изначальная составляющая нового аргентинского общества, женщина заняла важное символическое место в момент, когда, под воздействием иммиграции и изменения социально-экономической структуры, происходили "разложение и восстановление традиционного разделения ролей".

Внутри либертарного движения (где шли резкие споры...) прежде всего "Куэстьоне сочиале" в 1895-1897 гг. выпустило серию брошюр под названием "Анархистская пропаганда среди женщин". В ней затрагивались вопросы семьи, женского труда, женского образования. Но наиболее революционно выступила анархо-коммунистическая группа вокруг газеты "Ла Вос де ла мухер" (1896-1897 гг.), провозгласившая знаменитый лозунг против проклятой троицы: "Ни бога, ни хозяина, ни мужа!" Статьи, написанные Пепитой Герра, Вирджинией Болтен, Хосефиной Мартинес, Соледад Густаво, обличали все множество форм угнетения женщины и призывали к свободной любви, отстаивая также в весьма резком тоне великие темы анархизма.

Женщины принимали участие и в политическом действии. Среди анархистов своим красноречием и энтузиазмом выделялась Вирджиния Болтен. Активно участвуя в профсоюзной работе группы в Росарио, она стала также членом совета Аргентинской рабочей федерации, чтобы бороться за улучшение экономического положения женщины и связать ее с требованиями федерации (особенно, против проституции).

СИМВОЛЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Создание идентичности предполагает и символическую сторону, которая включает целую серию ритуалов, заменяющих идеи господствующей культуры. Существовали параллельные символы, подтверждавшие принадлежность к группе "проклятым клейменным" и свидетельствовавшие о том, что она отвергает официальную идентичность, по крайней мере, того, что касается ее содержания: знамена, похоронные ритуалы, народная

иконография (образ чистой женщины, Марианны 1848 г.), праздники, песни (наиболее известной стала песня "Дети народа")...

Красное или красно-черное знамя позволяло идентифицировать аргентинское рабочее движение (здесь к анархистам присоединялись социалисты и коммунисты), поскольку служило знаком его единства, признания его существования. Было очень важно укоренить среди пролетариев антипатриотическую народную традицию, которая противостояла празднованию патриотических праздников, национальному знамени и гимну. Рабочий не должен был поддаваться обману мнимого патриотического братства:

"Славное знамя отчизны"... Они говорят тебе о родине, и тот, кого ты видишь аплодирующим в яростном раже, через пару часов придет к тебе требовать более высокой квартплаты за твою каморку, и ты счастливчик, если у тебя есть чем заплатить. Если же нет, то ты, твои дети и твоя подруга окажитесь, в конце концов, на улице в патриотическом смятении... "Этот славный день!"... Они называют его славным, потому что видят нас униженными, смешными и голодными у их ног... Пойдемте оттуда, рабочие, ведь для них мы - плебеи, пришедшие на спектакль со знаменами, музыкой и нечистотами!"

Другой возможностью для рабочих, чтобы продемонстрировать свое существование, были похороны, поскольку они означали оккупацию улицы, привилегированного общественного пространства. Длинные кортежи пересекали Буэнос-Айрес, и их символическое значение было огромным. Мертвые становились иконами борьбы, бросающей вызов власти. Содержавшийся в них потенциал напряженности, как во время событий Трагической недели 1919 г., встречал репрессии и применение самого дикого насилия.

Наконец, ежегодные первомайские демонстрации также приводили к ритуальным уличным шествиям единения между всеми трудящимися. Это был единственный настоящий праздник в анархистском календаре. Эта памятная дата имела интернационалистское происхождение, потому что включала в себя почтение к памяти четырех чикагских рабочих, повешенных в 1887 году.

МУЧЕНИК

Хотя анархисты отвергают поклонение и господство, следует заметить, что аргентинские, как и другие либертарии основывали свою идентичность на ритуальном культе мученика. Фигуры, напоминавшие Христа, пополняли политическое и социальное воображение аргентинцев. Национальные герои заменялись образами храбрыми борцами, павшими под пулями угнетателей. Анархист-мститель вписывался в народную традицию рабочего класса. Хотя, как подчеркивает Ален Пессен, отец для всех анархистов сосредоточен в фигуре Бакунина, аргентинские либертарии создали свой пантеон мучеников во славу борьбы. Их поднимали на щит в качестве национальной составляющей наряду с другими фигурами анархистского интернационализма (Франсиско Феррером, расстрелянном в Монтжуике в 1909 г., Реклю, Равашолем, мучениками Коммуны и т.д.). В этом пантеоне можно обнаружить близкие к ним фигуры, которые своими героическими актами наложили отпечаток на социальную историю начала века. Среди них были: русский Симон Радовицкий, убивший в

19 лет полковника Фалькона, ответственного за кровавые репрессии в День столетней годовщины независимости, живой мученик, потому что после своего акта он был отправлен в тюрьму в Ушуае, где оставался до 1930 г.; Сальвадор Планас (совершивший неудачное покушение на президента Кинтану в 1905 г.) и даже пахнувший серой Северино Ди Джованни, апостол насилия, анархист-экспроприатор, акции которого оспаривались в самой анархистской среде.

Среди них в пантеоне мучеников анархизма совершенно особое место занимает фигура Курта Вилькенса, мстителя за Патагонское восстание. Он, автор героического акта, убивший полковника Варелу, был "трусливо убит в тюрьме" в 1923 г. Именно в таких выражениях бард Луис Акоста Гарсиа пел о диалоге между охранниками и Пересом Мильоном, убийцей Вилькенса:

"Что ты сделал?" - спросили они этого царя кретинов.
"Что ты сделал?" - повторили они возмущенно.
И преступник ответил: "Я поступил в Аргентине
Как солдат, убивший убийцу,
Который убил Варелу, славного командира".
Сукин сын, бастард, выкидыш по жизни, ты опозорил наше знамя,
Ссылаясь на страну, где родился Амегино,
Где родился Морено и где Бернардино отправился
Давать культуру и просвещение креолам.
Палач! Этот человек был ранен,
А ты, не колеблясь, убил его...
А после твоего кровавого поступка
Ты еще больше покрыл себя позором,
Произнося имя Аргентины.
Я, аргентинец, отвергаю тебя, как только можно,
От имени Хуана Баутисты Альберди,
От имени Сармьенто,
Я объявляю тебя идиотом и человеком без национальности!"

Можно задать себе вопрос, о какой же Аргентине здесь идет речь, о какой родине, кто хорошие аргентинцы и кто плохие...

Итак, аргентинские анархисты смогли в начале 20 века придать рабочему движению настоящую идентичность. Однако мечта об автономном, свободном и сознательном народе натолкнулась на интеграцию рабочего в профсоюзный аппарат, мощный, но опасный для сохранения его идентичности. Действительно, Иригойен сумел, построив патерналистское государство, учесть слово рабочих, превратив их в покорную массу и используя "эмоциональную идентификацию между лидером и массами", чтобы обосновать свою власть и социальный мир. Именно там были заложены популистские черты, которые были затем доведены до крайности генералом Пероном и затопили идентичность рабочего движения. Тем не менее, можно думать, что формы параллельной организации, появившиеся в настоящее время в Аргентине, являются частью сохранившейся и возродившейся традиции прежней автономии. Но это уже другая история.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 16 августа 2025 01:31:21

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 16 августа 2025 01:39:47